

На правах рукописи

Поселягин Николай Владимирович

**Формирование российского структурализма (1956–1964)
и рецепция идей Тартуско-Московской семиотической школы
в 1990–2000-е годы**

Специальности:

10.01.01 – Русская литература

10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва

2010

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы XX века филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Голубков Михаил Михайлович

Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор
Клинг Олег Алексеевич
Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова, филологический факультет, кафедра
теории литературы

– кандидат филологических наук, профессор
Бак Дмитрий Петрович
Российский государственный гуманитарный университет

Ведущая организация Институт мировой литературы имени А.М.Горького РАН

Защита состоится «___» _____ 2010 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.32 при Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук
профессор

Голубков М.М.

Общая характеристика работы

Цель настоящей диссертации – изучение эволюции российского нелингвистического структурализма в период с 1956 по 1964 гг. и анализ того, как переосмыслился комплекс идей, сформулированных главными теоретиками этого направления на рубеже 1950–1960-х гг., в российском литературоведении 1990–2000-х гг.

В данной работе идет речь о начальном периоде существования Тартуско-Московской семиотической школы – периоде, когда сама школа и ее основные принципы только создавались. Его хронологические рамки – с 1956–1958 гг. (деятельность В.Н.Топорова, Вяч.Вс.Иванова, В.А.Успенского и др.; формирование Московского кружка) по 1964 г., т.е. до издания книги Ю.М.Лотмана «Лекции по структуральной поэтике: Введение. Теория стиха» (Тарту, 1964). Выбор публикации этой книги в качестве рубежа обусловлен следующим соображением: ее выход в свет совпал со временем проведения первой Летней школы по вторичным моделирующим системам, и, как демонстрируется в диссертации, она является своеобразной «точкой поворота» от Московского периода существования российского структурализма к Тартуско-Московскому. На защиту выносятся тезис, что уже в первой половине 1960-х гг. можно выделить несколько направлений, которые в той или иной мере относятся к структурализму, – каждое со своей методологией анализа, терминологией и идеологической подоплекой.

Соответственно, в **задачу** исследования входит рассмотрение каждого из этих направлений по трем категориям: особенности его методологического аппарата, особенности его мировоззренческого, или общеидеологического (в данном исследовании это синонимы), основания и взаимосвязь с остальными направлениями в пределах российского нелингвистического структурализма.

Мировоззрение как объект анализа берется по следующим причинам:

1) особенности мировоззрения обуславливают и выбор объекта, и выбор исследовательской оптики. Следовательно, если изолировать от изучения мировоззрения и проводить анализ исключительно на методологическом уровне, то структура и принципы применения данного комплекса методов могут оказаться непонятными и, как результат, искаженными;

2) мировоззренческий уровень – глубинный по отношению к остальным уровням, в том числе и к тому, на котором происходит адаптация или, наоборот, отвержение тех или иных элементов унаследованной традиции. Следовательно, анализ мировоззрения какого-либо научного направления в синхроническом плане может дать для исследователя

гораздо больше, чем поиск предтеч и источников этого направления (хотя, безусловно, анализ предшествующей традиции тоже необходим).

При этом нужно оговориться, что подобное абстрагирование от предыстории движения и от его дальнейшего развития после 1964 г. (а также от конкретно-биографических подробностей взаимодействия участников Тартуско-Московской школы между собой и с окружающими их людьми) несколько искусственно. Анализ научных концепций в диссертации по преимуществу ведется (если воспользоваться семиотической терминологией) на синтаксическом и семантическом уровнях (структурные особенности той или иной теории и ее методологические связи с другими теориями внутри общего направления нелингвистического структурализма); отказ от рассмотрения уровня прагматики был выбран сознательно – для большей наглядности уровней синтактики и семантики, а также из-за невозможности охватить все уровни и элементы такого большого и многообразного явления, как Тартуско-Московская школа, в пределах одной работы

Практическое значение работы. Настоящая работа имеет отношение не только к теории, но и к истории литературы: от выбора исследовательской оптики (которая, в свою очередь, обусловлена мировоззрением исследователя) зависит то, каким именно образом будет восприниматься и члениться литературный процесс, проводиться анализ конкретных произведений, творчества индивидуальных авторов или больших историко-литературных блоков. Как известно, именно метод конструирует объект – выявляет его релевантные признаки и определяет категориальный аппарат для их изучения. Поэтому своего рода метаанализ – анализ методологических принципов изучения истории литературы – для научной дисциплины «история литературы» необходим и не может существовать изолированно от нее. Характерно, что даже самые отвлеченные концептуальные разработки участников Тартуско-Московской школы в итоге разрабатывались на материале истории литературы (и – шире – культуры).

Научная новизна исследования состоит в том, что диссертация представляет собой едва ли не первый в современных российских гуманитарных науках опыт комплексного анализа методологии и концептуального аппарата научного направления, выполненный не в пределах философии, а в рамках той дисциплины, в которой это направление функционировало (здесь – в рамках филологии). Это должно давать возможность не только для рассмотрения объекта анализа как факта истории науки, но и для реактуализации научного наследия, что первостепенно важно для науки в принципе. В данном случае анализ методологии российского структурализма необходим для лучшего понимания возможностей развития методологического аппарата современной филологии,

как теории, так и истории литературы, – этим обусловлена междисциплинарность исследования.

В качестве **метода исследования** в диссертации использовались некоторые элементы методологии раннего варианта «археологии знания» Мишеля Фуко – так, как это явление представлено в его книге «Слова и вещи» (Paris, 1966). Предполагается, что данная методология является одной из наиболее удобных для анализа представленного материала, поскольку предлагает концептуальный аппарат для осмысления глубинных мировоззренческих пластов рассматриваемой эпохи. При анализе конкретных теоретических концепций использовался также подход Джонатана Каллера, представленный в его книге «Структуралистская поэтика. Структурализм, лингвистика и литературоведение» (Ithaca, New York, 1977).

Апробация результатов исследования: положения диссертации были представлены в форме докладов на Третьей Международной научной конференции «Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения» (МГУ, 2008); на XVI и XVII Международных научных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ, 2009; МГУ, 2010).

Структура работы: диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Содержание работы

Во **введении** дается обоснование актуальности темы, формулируется предмет, цели и задачи исследования, излагаются методологические основы и структура диссертации, а также излагается следующее положение. В исследовательской литературе время 1956–1964 гг. (т.е. Оттепель) принято считать временем утопического сознания, которое проявлялось, в том числе, в ряде сфер и отраслей науки. В настоящем исследовании утверждается, что для этого сознания были характерны, помимо прочего, такие категории, как универсализм и рационализм: мир, существующий на материалистических основаниях, разумен и принципиально познаваем, развитие научного мышления и совершенствование категориального аппарата науки способны привести к познанию основ мира и, как следствие, к воспроизведению его (по сути, демиургическому). Задача конкретных наук в этом случае – познать глубинные основы своих объектов и найти методы их моделирования. Это мировосприятие вызвало мощное развитие ряда научных течений и дисциплин, казалось бы, друг от друга далеких (в данной работе интерес будет сосредоточен только на двух из них: на нелингвистическом структурализме и – в параграфе о А.Н.Колмогорове – отчасти на кибернетике). Однако

оно же породило такой феномен, как складывание «больших парадигм» – научных и идеологических конструктов, претендующих на универсальный охват своего объекта исследования, под которым, как правило, понимаются все уровни бытия в совокупности. В диссертации рассматриваются процесс формирования и причины распада «большой парадигмы» Структурализма в 1960-е гг., а также некоторые варианты реактуализации (с иной идеологической подоплекой) феномена «больших парадигм» в 1990-е гг.

Глава 1: Формирование российского структурализма (1956–1964).

Первый параграф «*Долотмановский*» период российского структурализма» представляет собой общий обзор направлений, существовавших в 1956–1964 гг., которые принято объединять под общим названием «российский нелингвистический структурализм». Выдвигается идея, что таких направлений (вариантов структурализма) было как минимум четыре.

I. Структурализм как «большая парадигма», т.е. система универсальных категорий, с помощью которых можно – в идеале – осмыслить весь мир, сведя его к исчислимому набору принципиально познаваемых структурных типов тех или иных явлений, принадлежащих к культурной или внекультурной сфере. Данное явление было реализовано узкой группой людей (Московский кружок Вяч.Вс.Иванова–В.Н.Топорова), по преимуществу являвшихся сотрудниками Сектора структурной типологии, в течение короткого промежутка времени и в небольшом количестве текстов. Однако именно оно определило то исходное состояние, отталкиваясь от которого, в середине 1960-х гг. Тартуско-Московская школа начала эволюционировать от мировоззренческой «большой парадигмы» Структурализма к дисциплине «семиотика».

Безусловно, Структурализм как «большая парадигма» не является чем-то независимым от структурализма как метода исследования; все участники Московского кружка, разумеется, пользовались структурным методом. Кроме того, следует учитывать, что они не ставили перед собой сознательную цель создать именно общеидеологический конструкт Структурализма: скорее здесь можно говорить о том, что фактически получилось в ходе логического развития их научных теорий.

II. Структурализм, воспринимаемый исключительно как метод исследования. Здесь выделяются три подгруппы (нумерация отражает относительную хронологию их возникновения).

I. «Вторым структурализмом» можно назвать работы группы А.Н.Колмогорова (А.В.Прохоров, Н.Г.Рычкова, А.П.Савчук, А.М.Кондратов и др.), а также М.Л.Гаспарова.

2. Третий вариант структурализма – поэтика выразительности А.К.Жолковского и Ю.К.Щеглова.

3. Наконец, четвертой разновидностью структурализма по традиции считается семиотика Ю.М.Лотмана.

В параграфах 2–5 обосновывается необходимость такого разделения, рассматриваются отличительные черты каждого течения и анализируется взаимодействие этих течений между собой.

Во **втором параграфе** *«Московский кружок и Структурализм как мировоззрение»* утверждается, что «большая парадигма» Структурализма, разрабатывавшаяся кружком Вяч.Вс.Иванова–В.Н.Топорова, – это комплекс идей, базирующихся на представлении, что весь мир упорядочен с помощью некой единой системы универсальных категорий, принципиально познаваемой благодаря единому комплексу столь же всеохватных познавательных методик. Универсальным методом анализа при этом становится типологическое сопоставление тех или иных знаковых систем с помощью конструирования абстрактных моделей, выделяющих основные дифференциальные признаки этих систем. Подобный взгляд на термин «модель» не специфичен для русского структурализма, однако специфично восприятие моделируемого объекта. Можно утверждать, что это – знаковая система, функционирующая панхронно, причем ее условно-диахронические изменения являются, по сути, переключениями из одних панхронных состояний в другие; в итоге анализ ее возможен только в синхроническом плане. Отличие реальных явлений действительности от тех объектов, которые порождаются при восприятии этих явлений познающим сознанием, не было отрефлексовано. В результате картина мира исследователя (структурирующего наблюдаемый мир) и реальная картина мира стали считаться схожими в существенных своих аспектах, типологически аналогичными друг другу – изоморфными. Картина мира исследователя является моделью мира реального, и при анализе ее структуры исследователь познает структуру всего мироздания. Из-за предположения, что мир устроен иерархически, причем система каждого более высокого слоя является изоморфной системе нижележащего слоя, из которого более высокий слой вырастает, оказалась недостаточно отрефлексованной специфика понятия «модель». В результате под моделью стало пониматься и воссоздание системы объектов, и воссоздание системы признаков изучаемого объекта, и даже воссоздание принципов порождения этих систем.

Несмотря на то, что подобная программа не излагалась публично и не провозглашалась в манифестах – структуралисты всегда заявляли, что анализируют только знаковые системы культуры, – однако фактически объектом их внимания

становились и такие сферы, как, например, эстетическое восприятие мира или любой (даже несемантический) акт поведения, который воспринимающим наделяется информативностью. Вследствие неразграничения действительности и восприятия охват явлений бытия становился всеобъемлющим: ведь значение можно придать любому явлению мира. В итоге культура оказывалась основана на знаковых отношениях, а базисом мироздания становилась информация; мир приобретал черты стабильности и понятности. Это могло вызывать симпатию у структуралистов также и потому, что возникала (в рассматриваемый период, вероятнее всего, неосознанная) идеологическая альтернатива «большой парадигме» Марксизма, где мир детерминирован превосходством материи над духом, а культура – производственными отношениями.

Предполагается, что истоки подобного мировоззрения, по всей видимости, лежат в некой общей парадигме европейского мышления, развивавшейся на протяжении нескольких веков и породившей ряд философских направлений, включающий в себя и идеологию Просвещения XVIII в., и позитивизм XIX в. Если воспользоваться терминологией М.Фуко, это мышление предполагает принципиальную познаваемость мира, представляющего собой некий единый Порядок. Вычислив Систему, по которой конструируется этот Порядок, можно найти ключ к познанию мира во всей его совокупности. В отличие от просветительства и позитивизма, Московский кружок делал замечание, что анализирует не мир как таковой, а человеческие представления о нем; однако проблематичность соотношения мира и восприятия, природы и культуры в работах раннего структурализма эксплицитно не разрабатывалась (равно как и наделение знаковой сущностью явлений, не относящихся к сфере культуры).

К истории литературы тот комплекс методов, который разрабатывал Московский кружок, применим лишь отчасти. Во-первых, при том подходе, какой был представлен в Структурализме, невозможно было изучать динамику литературного процесса – литературная эволюция представала как ряд переключений из одних синхронических состояний в другие (наподобие относительной эволюции древних языков). История литературы при этом представала не как сложный комплекс направлений и индивидуально-авторских стратегий, динамически изменяющийся и обусловленный конкретно-историческим моментом, а как работа аппарата, ступенчато проходящего одни стадии вслед за другими. Во-вторых, литература для Структурализма была значима не сама по себе, а как проявление (манифестация) общекультурных тенденций, обусловленных, в свою очередь, мировоззренческими парадигмами эпохи. Таким образом, можно утверждать, что Московский кружок закладывал основы для анализа текстов художественной литературы в русле не филологическом, а культурологическом.

Третий параграф «*А.Н.Колмогоров и М.Л.Гаспаров: структурализм как научный метод*» посвящен рассмотрению двух стратегий, в которых структуралистская методология не подвергалась универсализации, а использовалась только как наиболее удобное средство анализа выбранного объекта – при кардинальном отличии в понимании самого объекта исследования.

Выдвигается тезис, что при идентичных методиках анализа (статистических, теоретико-вероятностных) конечные цели А.Н.Колмогорова и М.Л.Гаспарова были различны (предметом анализа избирается только стиховедческая деятельность обоих ученых). Для М.Л.Гаспарова структурализм – это выработка методов, при перенесении которых из сферы стиховедения на всю область литературоведения можно построить филологию как точную науку. У А.Н.Колмогорова была иная задача – кибернетическая, философская и гораздо более глобальная: если при материалистическом понимании мира материя первична, а жизнь благодаря некоему комплексу условий самозародилась из нее, то нельзя ли смоделировать подобную ситуацию искусственно и произвести искусственные формы жизни? Для понимания механизмов этого моделирования необходимо изучить точными методами духовно-мыслительную сферу человека.

А.Н.Колмогоров понимал, что это программа-максимум, являющаяся конечной задачей кибернетики, а не структурного стиховедения. Однако и в пределах литературоведения для группы А.Н.Колмогорова во главе угла оставалось исследование имманентных свойств самой системы стихосложения, проявляющихся и изменяющихся исторически, но на некоем инвариантном уровне присущих ей вне зависимости от конкретных эпох. Стиховедение нужно для апробации методов статистических исследований относительно простых динамических систем, причем сами методы могут быть позднее перенесены на гораздо более сложные системы, в идеале – на процесс функционирования жизни как таковой. В этом смысле стихосложение оказывается простой моделью строения жизни, и анализ модели должен в итоге привести к моделированию жизни. В этом пункте А.Н.Колмогоров существенно сблизился с Московским кружком; интерес оказался взаимным, и московские структуралисты одно время (на рубеже 1950–1960-х гг.) рассматривали его исследования как пример удачного использования их собственных методов.

У М.Л.Гаспарова же конечная цель статистического анализа – не определение параметров системы как таковой, а исследование литературной эволюции, тенденций, отраженных на формальном уровне, но обусловленных исторически (общеидеологическая платформа Московского кружка М.Л.Гаспарову всегда была чужда, хотя типологически его метод был во многом схож с методом других структуралистов). С начала 1960-х гг.

заметен акцент М.Л.Гаспарова на рассмотрении индивидуального явления не как закономерного элемента системы, а как элемента, всегда готового из этой системы выпасть или занять по отношению к ней диалектически сложную позицию. Можно сделать вывод, что в дальнейшем (за пределами хронологических рамок диссертации) культурно-исторический взгляд на анализируемый материал позволит М.Л.Гаспарову прийти к рассмотрению взаимодействия метра и смысла.

Историю литературы как таковую М.Л.Гаспаров не строил: он считал, что задача построения этой дисциплины – дело будущего, а сейчас необходимо подводить под это обширный фундамент – исследовать точными методами весь наличный корпус художественных текстов. При этом система, которая должна получаться в результате такой фронтальной обработки литературы, должна демонстрировать индивидуальные особенности каждого произведения, каждого автора, каждого литературного направления и каждой эпохи. История литературной эволюции при этом закономерно предстанет как результат такой деятельности. Однако в его монографиях, посвященных истории русского стиха XVII–XX вв. и европейского стиха от античности до XX в., демонстрируется образец построения истории литературы (на примере поэзии), основанной на строго-научных методах анализа.

В задачу **четвертого параграфа** «Поэтика выразительности А.К.Жолковского и Ю.К.Щеглова» входит пересмотр точек расхождения теории А.К.Жолковского и Ю.К.Щеглова с другими течениями российского структурализма. Если обобщить эту теорию в самых общих чертах, то направление анализа «Тема → Глубинное Решение → Глубинная Структура → Поверхностная Структура», реализующееся с помощью алгоритма «Тема ↔ Приемы Выразительности ↔ Текст», во многом сходно с концепцией И.А.Мельчука, суммированной в книге «Русский язык в модели "Смысл ↔ Текст"».

Думается, что «большая парадигма» с самого начала не была близка авторам поэтики выразительности: они рассматривали структурализм только как научную стратегию (однако универсальную по своим методам), позволяющую анализировать материал с помощью определенной системы формальных приемов. Тем не менее на начальном этапе А.К.Жолковский и Ю.К.Щеглов оказались близки кружку – видимо, именно благодаря специфике их методики: перенесения в модифицированном виде методов, характерных для генеративной грамматики Н.Хомского, структурного анализа волшебной сказки В.Я.Проппа и теории организации драматического действия С.М.Эйзенштейна, на литературные тексты.

Но вскоре произошло расхождение, связанное с тем, что авторы поэтики выразительности не были заняты поисками системности и изоморфизма между

различными явлениями культуры, не строили гомологичные объяснительные модели объекта. Систему анализируемого явления они создавали каждый раз заново, ad hoc, их модели представляли собой алгоритмы порождения данного уникального текста, и даже поиск инвариантов свидетельствовал скорее о поиске индивидуальной системы конкретного автора, чем о глубинной семиотической структуре текста; за текстом всегда стоят автор и читатель, которые эту систему и создают.

На первый взгляд, концепция А.К.Жолковского и Ю.К.Щеглова должна быть ближе к семиотике Ю.М.Лотмана, однако это не так. Можно обнаружить следующие точки расхождения. Для Ю.М.Лотмана неприемлемо то, что порождающая поэтика фактически игнорирует заложенные автором в самой структуре текста его многообразные комплексные смыслы, которые заменяются единым конечным смыслом, создаваемым с помощью формальной системы приемов (за это же Ю.М.Лотман критикует и группу А.Н.Колмогорова). Для Ю.М.Лотмана анализ структуры текста – лишь начальный этап литературоведческого анализа; основной интерес представляет автор и то, что он в этот текст вкладывает, а конечной целью исследования становится реконструкция историко-литературного и идеологического фона эпохи. Нельзя сказать, что для А.К.Жолковского и Ю.К.Щеглова авторская позиция не важна, однако основную роль (особенно в ранних работах) играет текст и то, что и как из него может вычитать читатель. Лишь постепенно они придут к тому, чтобы «уравнять в правах» читателя и автора. Автор в теории А.К.Жолковского и Ю.К.Щеглова присутствует не как творец произведения, а как человек, который порождает стратегию влияния на того, кто воспринимает его текст (отсюда интерес к теории С.М.Эйзенштейна; отсюда же – исследования стратегий символической власти А.А.Ахматовой, В.В.Маяковского и др. в работах А.К.Жолковского 1980–2000-х гг.). Идеологический фон эпохи в ранних работах А.К.Жолковского и Ю.К.Щеглова остается нерелевантным: поэтика выразительности оперирует только с индивидуальными идеологическими стратегиями автора и читателя, которые вступают в борьбу в пространстве наделения данного конкретного текста смыслом. В более поздних работах А.К.Жолковский и Ю.К.Щеглов корректируют свой взгляд: они уже не отбрасывают идеологический фон в принципе – он для них существует, при необходимости его стоит учитывать, но вообще рассмотрение эпохи как таковой находится за пределами поэтики выразительности.

Однако для авторов поэтики выразительности их метод (по крайней мере, применительно к сфере искусства) универсален – в этом они близки и Московскому кружку, и Ю.М.Лотману, особенно позднему. Здесь они, наоборот, расходятся с концепцией М.Л.Гаспарова, с методологией которого поэтика выразительности схожа в

ряде существенных параметров, но у которого нет апологии самоценности метода. При этом восприятие процесса порождения произведения искусства (в частности, стихотворения), представленное в работах А.К.Жолковского и Ю.К.Щеглова, оказывается созвучно взглядам А.Н.Колмогорова на это же явление.

Пятый параграф *«Ранний Ю.М.Лотман и зарождение российского варианта семиотики»* посвящен анализу идей Ю.М.Лотмана, выраженных в небольшом количестве структуралистских работ 1962–1964 гг. (вплоть до книги «Лекции по структуральной поэтике»), которые можно считать своеобразной «точкой поворота» от структурализма к семиотике. Рассмотрение дальнейшей эволюции взглядов Ю.М.Лотмана 1960–1990-х гг. не входит в хронологические рамки диссертации, но эта эволюция во многом была задана именно развитием того комплекса идей, которые сформулированы в работах, анализирующихся в данном параграфе. Поэтому здесь прослеживаются некоторые итоги развития этого идеологического комплекса в мировоззрении позднего Ю.М.Лотмана, которое проявилось в разработке теории семиосферы.

Выдвигается тезис, что если для участников Московского кружка модель и объект оказывались как бы в некоем абсолютном пространстве, синхроническом (по сути, вневременном) универсуме, а модель стабильно отображала существенные свойства своего объекта и отношения между его элементами, которые оставались неизменными, то Ю.М.Лотман с самого начала ввел два принципа, в корне подорвавших такую систему Структурализма. Во-первых, он ввел в структурный подход марксистско-гегелевскую диалектику и диахронию (а также, как следствие, социологизацию объекта исследования), а во-вторых, переосмыслил на этой основе понятие «модель». Хотя термины «модель» и «моделирование» одинаково применялись и структуралистами «лотмановского» периода, и Ю.М.Лотманом, однако, по-видимому, точнее было бы говорить о доминировании статичной «модели» в теории Структурализма и динамического «моделирования» у Ю.М.Лотмана.

Оказалось существенно также введение понятия (идеологического) контекста, который в итоге и определяет специфику объекта. И эта специфичность любого явления действительности, в частности искусства, определяется не имманентно заложенной в нем поуровневой иерархией отношений, представляющих собой закрытую структуру, а открытой системой отношений, в которых оно находится по отношению к остальному миру, внеположному ему. Благодаря введению в рассмотрение понятия контекста, исследуемый объект из абстрактного «большого времени», где он был изоморфной моделью универсума, возвращается в конкретно-историческое время (что переносит исследователя из сферы Структурализма в область традиционного исторического – в

частности, историко-литературного – анализа). В определенном смысле исследуемый текст оказывается важен именно потому, что он встроен в динамически-изменчивый контекст.

Думается, однако, что на этом внедрение Ю.М.Лотманом диалектического подхода не заканчивается: динамическое моделирование оказывается не односторонним, как в Структурализме, а обоюдонаправленным – например, реальность моделирует художественное произведение, которое, в свою очередь, моделирует реальность. В раннем структуралистском творчестве Ю.М.Лотмана об этом говорится более осторожно – что искусство изменяет реальность, – однако тема именно моделирования искусством действительности, как известно, была одной из основных в работах Ю.М.Лотмана, в том числе в разработке теории семиосферы, с 1960-х гг. до опубликованных посмертно «Бесед о русской культуре» (СПб., 1994).

Отношения между текстом и воспринимающим этот текст Ю.М.Лотман выстраивает наподобие того, как продемонстрирована диалектическая взаимосвязь искусства и реальности. Язык искусства при этом строится по принципу фрактала: каждый элемент структуры отражает всю структуру в целом и отражается в ней; в результате любой, самый формальный, элемент несет содержание, присущее исключительно этой структуре.

Из этого можно вывести итог, что уникальность объекта (произведения искусства) познается благодаря анализу контекста, который, в свою очередь, становится для воспринимающего иным после каждого акта познания этого объекта. Отсюда следуют два кардинальных вывода. Во-первых, разрушается самая фундаментальная минимальная модель передачи информации (адресант → сообщение → адресат): единый акт из однократного превращается в многократный, текст становится полноправным партнером воспринимающего и начинает не только передавать информацию о вне его лежащей действительности, но и самостоятельно моделировать реальность. Во-вторых, если текст и реальность способны бесконечно взаимно моделировать друг друга, то тот, кто воспринимает этот процесс, сталкивается уже не с единой структурой, которую можно исчерпывающе познать, выстроить типологию всех элементов данной структуры и представить ее саму как деталь структуры высшего уровня. Скорее он имеет дело с происходящим в его сознании процессом взаимной деконструкции и текста, и реальности, работающим при каждом новом акте прочтения текста или познания реальности, т.е. функционирующим как перпетуум-мобиле.

Вряд ли Ю.М.Лотман в рассматриваемый период сознательно подразумевал такой оборот событий. К собственному осознанию подобной постструктуралистской (в широком

смысле) глубинной основы своей теории он, по всей видимости, пришел позднее, в конце 1970-х – начале 1980-х гг., когда начал разрабатывать теорию семиосферы. Это произошло благодаря постепенной универсализации и онтологизации собственного метода исследования (о чем в начале 1990-х гг. применительно и к Ю.М.Лотману, и к другим участникам Тартуско-Московской школы будет писать А.М.Пятигорский). Ю.М.Лотман понимал, что его концепции культуры и семиосферы сами являются частью культуры и семиосферы. Но это его не смущало – скорее, наоборот, свидетельствовало о полном слиянии с объектом и с окончательным переходом на позицию объективного наблюдателя. Научная позиция отождествлялась с культуртрегерской (не отстраненное исследование, а участие в самом процессе развития культуры) и эпистемологической (уравнивание метода с объектом).

Выдвигается идея, что это привело к формированию в трудах Ю.М.Лотмана 1980–1990-х гг. качественно новой «большой парадигмы» – Семиотики, более гибкой, чем Структурализм и Марксизм, однако практически никем не востребованной. Исследователи, для которых семиотика осталась значима (Б.М.Гаспаров, В.М.Живов, И.А.Паперно, Б.А.Успенский и др.), воспринимают ее сейчас как научную теорию со своим концептуальным аппаратом, а не как общеидеологический конструкт. Предполагается, что причина этого – не в конкретных достоинствах или слабостях той или иной мировоззренческой системы (парадигма Семиотика была основана на таком фундаменте, который мог бы обеспечить ее жизнестойкость и эффективное функционирование в течение ряда лет), а в том, что к 1980-м гг. утопические интенции эпохи, когда Тартуско-Московская школа только зарождалась, уже изжили себя. Структурализм разрушился во второй половине 1960-х гг. – конкретным поводом оказалась концепция Ю.М.Лотмана, однако структуралистское мировоззрение исчерпалось не в 1964 г., а ближе к началу 1970-х гг., параллельно с исчерпанием утопического потенциала эпохи Оттепели в целом. «Большие парадигмы» стали неактуальны.

Рассматривается, как Ю.М.Лотман применял семиотические методы на практике (на примере его работ об А.С.Пушкине). В 1960-х – первой половине 1970-х гг. Ю.М.Лотман, учитывая историко-литературный контекст создания пушкинских произведений, тем не менее сосредоточен скорее на исследовании внутритекстовых связей: от фоносемантики до уровня построения характеров и сюжета. Во второй половине 1970-х и в 1980-х гг., т.е. с разработкой концепции семиосферы, Ю.М.Лотман всё активнее применяет семиотические методы к более широкому историко-литературному контексту. Среди наиболее ярких примеров нужно назвать уже

упоминавшиеся статьи «Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе» (1982) и «Замысел стихотворения о последнем дне Помпеи» (1986), где анализ пушкинского творчества вписан в широкий историко-культурный контекст. Одним из итогов развития семиотических методов на материале пушкинского творчества можно считать книгу «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя» (Л., 1981, переизд. 1983), в которой собственно биография поэта предстает не столько как хроника дат и событий, сколько как сложное сознательное выстраивание житнетворчества, проявляющееся, в том числе, в семиотическом насыщении А.С.Пушкиным каждого факта своей жизни.

В *дополнении* к данному параграфу обосновывается причина того, почему взгляды Ю.М.Лотмана были названы постструктурализмом в широком смысле слова. Необходимость этого объясняется тем, что постструктурализм в российских гуманитарных науках нередко приравнивают к философии постмодерна, которая, в свою очередь, становится символом антинаучности и антиструктурности (что в корне отличается от теории Ю.М.Лотмана, для которого категории научности и структурности оставались значимыми в течение всей жизни).

Однако известно, что европейский и американский постструктурализм в наиболее общем понимании – это сложный комплекс течений, вышедших из структурализма, в ряде ключевых пунктов на нем основывающихся, но во многом критически его переосмысляющих. Это общегуманитарный комплекс, где границы между филологией, философией, культурологией, социологией, антропологией, психологией и др. размыты, и одна дисциплина легко перетекает в другую. С концепциями интертекстуальности, тождества языка и сознания, смерти субъекта соседствует идея социологического поворота в изучении своего объекта: отказ от генерализирующих исследовательских оптик, от изучения единых законов и норм, внимание к человеческой уникальности во всех ее проявлениях, зачастую обусловленных идеологическим фоном исследуемых эпох; в отличие от структурализма, в качестве точки отсчета берется не знаковая система или знаковая деятельность человека, а сам человек и его место в социуме. (К этому направлению можно отнести, в частности, Клиффорда Гирца, Хейдена Уайта и американских новых историков, идеи которых будут затрагиваться во второй главе, а также отчасти Мишеля Фуко.) Соответственно, все явления языка и культуры приобретают интерес для исследователя в их индивидуальной рецепции человеком и в своем социальном функционировании в данных конкретных социумах. В рамках изолированных дисциплин такие феномены изучать нельзя; поэтому социологический поворот предполагает междисциплинарность. Это обуславливает разработку более сложного и тонкого категориального аппарата, где каждое явление не сводится к некоему

генерализирующему базису (в том числе знаковому) и не встраивается в сетку общих категорий, а само эту знаковость и эти категории создает и непрерывно модифицирует в динамически изменяющейся конкретно-исторической ситуации.

Если такое же понимание сущности постструктурализма распространить на российскую почву, то Ю.М.Лотман, несмотря на разработку «большой парадигмы» Семиотики (а возможно, во многом и благодаря этому: в частности, семиотика Ю.М.Лотмана всегда предполагала социологизацию своего объекта), вполне впишется в данное определение, оставаясь при этом в рамках академической научности. Причем вписывается последовательно: постструктуралистские тенденции, как было выше показано, намечаются уже в самых первых его структуралистских статьях, где он критически переосмысляет постулаты российского структурализма во всех его проявлениях – не только Московского кружка, но и группы А.Н.Колмогорова, и поэтики выразительности А.К.Жолковского и Ю.К.Щеглова.

Не случайно поэтому, что для ряда исследователей 1990-х гг., находящихся в научном диалоге с идеями участников Тартуско-Московской школы, столь актуальной оказывается именно фигура Ю.М.Лотмана. В качестве иллюстрации во второй главе дается обзор взглядов нескольких ученых этого круга.

Глава 2: Рецепция идей Тартуско-Московской семиотической школы **в 1990–2000-е годы**

Эту главу можно рассматривать как попытку рассмотрения методологических основ современной российской филологии. Здесь представлены научные методы А.Л.Зорина, О.А.Проскурина, Р.Д.Тименчика и стратегия С.Л.Козлова на посту заведующего отделом теории журнала «Новое литературное обозрение», т.е. явления 1990–2000-х гг. Безусловно, подобных стратегий в современной филологии гораздо больше, чем четыре, и такое ограничение обусловлено тем, что это лишь предварительная попытка исследования столь широкого и многообразного материала – эксперимент, проведенный на минимальном количестве примеров именно в силу своей экспериментальности.

Во **вступлении ко второй главе** обосновывается резкий хронологический перебив, а также обращение именно к именам А.Л.Зорина, С.Л.Козлова, О.А.Проскурина и Р.Д.Тименчика. Дело в том, что анализируемые методы и стратегии можно в определенном смысле рассматривать как варианты решений тех проблем, которые восходят к периоду формирования Тартуско-Московской школы и порождены тем утопическим сознанием эпохи 1960-х гг., о котором говорилось во введении. Кроме того,

показательна актуальность концептуального наследия российского структурализма и семиотики для разных периодов и областей российской филологии: А.Л.Зорин – исследователь литературы и культуры XVIII – начала XIX вв.; О.А.Проскурин – специалист по пушкинскому времени; Р.Д.Тименчик занимается историей литературы XX в. (преимущественно Серебряным веком), С.Л.Козлов – теоретик.

Известно, что ряд философов и социологов, применявших в своих работах структуралистский метод (Ю.А.Левада, Л.Н.Столович и др.), не приняли общую установку участников Тартуско-Московской школы на универсализацию своего метода (и, как следствие, онтологизацию и объекта исследования, и самого научного направления, т.е. превращение его в мировоззренческую «большую парадигму»). В свою очередь, для участников Тартуско-Московской школы 1960-х гг. неприемлемо, наоборот, оказывалось то, что им указывали на эти теоретические подмены: это подрывало утопическое сознание, которое было почерпнуто из общего потенциала эпохи.

Думается, что здесь скрывалась причина той неотрефлексированности категориального аппарата, на которую уже обращалось внимание в диссертации. Это, в свою очередь, приводило к методологической двусмысленности, связанной с невозможностью различения позиций внешнего и внутреннего наблюдателя при изучении объекта. Можно сделать предположение, что именно поэтому Московский кружок так легко отказался от Структурализма после опубликования теории Ю.М.Лотмана, поэтому же Ю.М.Лотман, в свою очередь, попытался сформировать новую «большую парадигму» Семиотики, формулируя теорию семиосферы. Вероятно, с этим же связано и то, что в 1990-е гг. многие гуманитарии (в том числе ряд бывших участников Тартуско-Московской школы) восприняли смерть Ю.М.Лотмана не только как конец существования школы, но и как закат структурализма в целом – и как течения, и как научного метода. Однако это не означало отрицания заслуг или полного отхода от структурных методик анализа. Скорее можно утверждать, что сформировался взгляд на структурализм и семиотику как на наследие, которое может быть по-прежнему актуально, если только использовать его с определенными корректировками и трансформациями. Некоторые примеры выработки таких научных стратегий, основанных на творческом переосмыслении наследия Тартуско-Московской школы, представлены во второй главе.

Первый параграф *«Некоторые особенности научного метода Р.Д.Тименчика»* представляет собой трактовку подхода Р.Д.Тименчика как одной из наиболее последовательных разработок теории семиосферы на практике, в жанре историко-литературного комментария. Исследователь Серебряного века демонстрирует, что комментарий является оптимальной формой построения историко-литературного текста,

причем комментарий должен быть всеохватным, объемлющим всю эпоху вплоть до мельчайших ее деталей. Поэтому история литературы, по Р.Д.Тименчику, должна отображать все реалии анализируемой эпохи и судьбы всех ее деятелей или просто свидетелей, даже самых малозначительных (в частности, рядовых читателей); фактически это попытка не забыть по возможности никого. Например, история читателей у Р.Д.Тименчика предполагает не только общий срез читательских восприятий той или иной эпохи, но и воссоздание образа каждого читателя в его уникальной конкретности. По всей видимости, такой взгляд может пониматься и как своеобразное перенесение в жанр историко-литературного комментария семиотической теории Ю.М.Лотмана.

Реконструированный пласт культуры представляет возможность для гипотетического постижения текста как бы глазами «идеального читателя», т.е. автора. По мнению Р.Д.Тименчика, это возможно – по крайней мере, потенциально. Это можно назвать одной из разновидностей онтологизации метода.

Такая тенденция приводит к следующему: в работах Р.Д.Тименчика скапливается столько «дополнительной» (по отношению к основному сюжету, но не к общему замыслу) информации, что объем примечаний иногда становится больше объема главной части работы. Особенно заметно это в книге «Анна Ахматова в 1960-е годы» (М.–Toronto, 2005). Возникающее возражение, что большую часть информации из сносок для облегчения читательского восприятия можно было бы перенести в основной текст, имело бы смысл только в том случае, если бы текст воспринимался как линейный. Но для Р.Д.Тименчика, по всей видимости, актуальна аналогия с семиосферой: структура текста научного исследования (пусть даже это текст, посвященный какому-либо частному явлению) имитирует многоуровневую стереоскопическую структуру всей сферы культуры.

Можно заметить, что онтологизация метода приводит к еще одному следствию: если исследовательский текст в принципе своей структурой пытается воссоздать строение описываемой культуры, то текст филологический имитирует литературный (это проявляется в употреблении оценочности, в использовании средств метафоричности, иногда в соединении академического исследования с собственными мемуарными заметками). Конечной целью такой стратегии является, по-видимому, достижение абсолютного проникновения в изучаемый текст и изучаемую эпоху с помощью изоморфности метода объекту исследования. Думается, что сам по себе метод для Р.Д.Тименчика не универсален, но универсален принцип изоморфности.

Во **втором параграфе** «Некоторые особенности научного метода А.Л.Зорина» демонстрируется иная стратегия взаимодействия с наследием Ю.М.Лотмана. В предисловии к книге «Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная

идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века» (М., 2001) А.Л.Зорин обратился к теории американского антрополога Клиффорда Гирца, в книге «Интерпретация культур» (New York, 1973) разработавшего метод «насыщенного описания» («thick description»). В концепции К.Гирца для российского исследователя наиболее интересным оказался отказ от генерализирующих «больших парадигм» (в том числе марксизма и структурализма). Вместо этого К.Гирц предложил семиотический анализ частных проявлений культуры (и уже через них индуктивно выводил понимание всей системы данной культуры) – т.е. ту идею, которую в те же годы независимо от него разрабатывали Ю.М.Лотман и Тартуско-Московская школа.

Если до К.Гирца (преимущественно в марксистской традиции) символы и метафоры в идеологических программах рассматривались лишь как внешние атрибуты, призванные просто завуалировать настоящие цели создателей этих программ, то К.Гирц утверждает: в них и заключается основа идеологий. Человек, сталкиваясь с незнакомой ему реальностью, пытается перевести полученный опыт на язык привычных ему моделей и символов. Метафоры, изначально используемые как условные картинки, опосредующие первоначальное познание людьми мира, позднее превращаются в самоценные мировоззренческие шаблоны и подчиняют себе сознание социума (фактически становясь архетипами), заставляя видеть мир в соответствии с их собственной структурой.

Такая концепция актуальна для А.Л.Зорина. В России в конце XVIII – первой трети XIX вв., по А.Л.Зорину, идет активная выработка основополагающих для складывающегося нового мировоззрения идеологем. Наиболее репрезентативной сферой их производства становится литература. В конце концов, именно литература оказывается их наиболее долговечной носительницей, благодаря чему в XX в., несмотря на две кардинальные смены государственных режимов, идеологемы, рассматриваемые А.Л.Зориным, не исчезают из культуры и менталитета. Анализ результатов этого явления выходит за пределы первой книги; ему посвящен сборник статей А.Л.Зорина «Где сидит фазан...: Очерки последних лет» (М., 2003). Сопоставление двух периодов истории России – рубежа XVIII–XIX и конца XX вв. – и изучение их с помощью единой семиотической методики представляется А.Л.Зорину тем более оправданным, что это два типологически сходных слома культурных эпох. Но для успешности анализа необходимо «очистить» сам семиотический метод от элементов «большой парадигмы» Семиотики, при которой идеологии анализировались с точки зрения идеологии же (семиотической); тем самым позиция субъективного наблюдателя имитировала позицию наблюдателя объективного (находящегося вне любых идеологий и поэтому схватывающего явления «так, как они есть»). Выдвигается идея, что именно этим и обусловлено обращение

А.Л.Зорина к К.Гирцу: в определенном смысле можно говорить, что К.Гирц для А.Л.Зорина ценен не сам по себе, а в качестве «отредактированного Ю.М.Лотмана», у которого, по крайней мере, эксплицирована теоретическая рефлексия по поводу обусловленности метода анализа своим собственным мировоззрением.

Другой вариант взаимодействия с Семиотикой Ю.М.Лотмана (не корректирование, а попытка преодоления) рассматривается в **третьем параграфе** «*Некоторые особенности научного метода О.А.Проскурина*». Для этого О.А.Проскурин, как и А.Л.Зорин, обращается к концепции иностранного исследователя – американского историка, одного из идеологов американского «лингвистического поворота», Хейдена Уайта.

Х.Уайт в монографии «*Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века*» (Baltimore, Maryland, 1973) провозгласил следующую идею: исторические сочинения не описывают реальные закономерности исторического процесса, а накладывают на исторический материал сетку категорий и производят нарратив, подобный нарративу произведений художественной литературы (поэтому его можно и нужно анализировать средствами поэтики). Близость своего подхода к взглядам Х.Уайта О.А.Проскурин провозгласил в книге «*Литературные скандалы пушкинской эпохи*» (М., 2000) – притом что в предыдущей монографии, «*Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест*» (М., 1999), используя интертекстуальный метод исследования, он принципиально отвергал и постструктурализм, и рефлексивность о теории. Но О.А.Проскурин отрекался не от любой «теоретичности», а только от постмодернистской, в то же время оказываясь в русле Семиотики позднего Ю.М.Лотмана: сама возможность интертекстуального анализа оправдывалась тем, что благодаря нему можно проследить процесс индивидуального творчества, реализующегося в претворении текстуальности в тексты. Идея глубокой текстуализованности всей культуры будет подробнее развита во второй книге О.А.Проскурина.

Однако при этом О.А.Проскурин отказывается от любых универсализаций, что, хорошо согласуясь с семиотическим методом, неизбежно входит в противоречие с Семиотикой как «большой парадигмой». Предполагается, что в итоге интертекстуальный подход в первой книге становится более близким к теории формальной школы того периода, когда она находилась в «точке поворота» от имманентного анализа самодостаточного литературного ряда к исследованиям литературного быта. Однако переход к литературному быту значил бы фактически переход не столько к идеям формалистов второй половины 1920-х гг., сколько к семиотике бытового поведения, разрабатывавшейся Ю.М.Лотманом в 1970–1980-х гг., т.е. происходило бы опасное приближение к «большой парадигме» и универсализации своего метода и объекта. Однако

представляется, что О.А.Проскурин изначально разделяет многие фундаментальные принципы Тартуско-Московской школы, и попытка абстрагирования от Семиотики приводит к противоречию в использовании метода, что было замечено рецензентами.

По всей видимости, эту противоречивость О.А.Проскурин почувствовал, готовя свою вторую книгу, в которой выходил в пространство литературного быта. В результате в методологическом введении О.А.Проскурин обратился к не связанному с российской филологической традицией исследователю, «текстоцентричный» пафос которого мог быть близок лотмановскому, но не претендовал бы при этом на универсализацию своей теории. Этим объясняется апелляция к концепции Х.Уайта, который так же представляет для О.А.Проскурина «отредактированного Ю.М.Лотмана», как К.Гирц – для А.Л.Зорина.

Однако, если историческое исследование по своей сути не отличается от исторического романа, но при этом любая, самая творческая деятельность несет в себе черты рациональности, следовательно, возможно художественно познавать свой объект, при этом претендуя на адекватность познания (это близко к подходу Р.Д.Тименчика). Это приводит к тому, что О.А.Проскурин в написании собственных работ, составивших книгу «Литературные скандалы пушкинской эпохи», ориентируется на традиции построения сюжета такого жанра художественной литературы, как новелла. Фактически эта работа представляет собой пример явления «интеллектуальное письмо» – жанра, промежуточного между академическим научным письмом и свободной эссеистикой.

Можно сказать, что О.А.Проскурин, воспринимая культуру в духе российской «большой парадигмы» Семиотики – «текстоцентрично» и «литературоцентрично», – пытается выйти за ее рамки. В первой монографии он использует внутренний потенциал этой системы, превращая интертекстуальное исследование в обоснование своей (хотя и восходящей во многом к Ю.Н.Тынянову) модели литературной эволюции. Во второй книге собственных ресурсов Семиотики для преодоления ее изнутри оказывается недостаточно, и О.А.Проскурин в поисках методологической основы своего исследования обращается к теоретику, известному критическим переосмыслением структур «больших парадигм». Однако идея текстуальности (и текстуализированности культуры) – ключевая для Семиотики – не только не отвергается, но, наоборот, пропагандируется на качественно новом (по сравнению с первой монографией) уровне. В итоге в рамках такого «текстоцентричного» (по сути, семиотического в лотмановском смысле) подхода О.А.Проскурина происходит заметная трансформация той концепции, которая была заимствована для выхода за пределы Семиотики. Х.Уайт, поставивший под вопрос сами принципы научности исторического повествования, у О.А.Проскурина предстает обосновывающим адекватность семиотического анализа исторического материала.

Универсализация при этом действительно преодолевается – однако только метода (в пользу более гибкого интеллектуального письма), но не объекта.

Таким образом, можно говорить о том, что научный метод О.А.Проскурина является сложным конгломератом методик, заимствованных из различных филологических традиций (в первую очередь – из разработок формальной школы), ни одна из которых не претендует на всеохватность описания, но все они описывают единое универсальное явление: текстуализованную культуру и процесс этой текстуализации. Это не столько преодоление «большой парадигмы» Семиотики, сколько ее трансформация для придания большей методологической гибкости.

Впрочем, вполне возможен и иной вариант интерпретации: что О.А.Проскурин никогда не ставил перед собой задачи преодоления тех или иных «больших парадигм», категорию текстоцентричности воспринял просто как одну из отличительных особенностей российской культуры XIX–XX вв., а Х.Уайт (и вообще категориальный аппарат западной гуманитаристики) ему потребовался по причинам не методологическим, а культуртрегерским – для приобщения российского читателя к классике зарубежной теории XX в.

Четвертый параграф *«Стратегия С.Л.Козлова на посту заведующего отделом теории журнала "Новое литературное обозрение"»* посвящен опытам формирования двух «больших парадигм» на страницах этого журнала – в первом случае, связанном с именем И.Д.Прохоровой, в качестве основы берется идея социологического поворота в гуманитарных науках; во втором случае, связанном с именем С.Л.Козлова, попытка создания «большой парадигмы» базировалась на рецепции американского филологического течения «новый историзм».

И.Д.Прохорова во вступлении к № 1 «НЛО» (1992) поставила перед журналом задачу модернизации филологического (и, шире, всего гуманитарного) поля – по сути, выведения российской гуманитаристики на общемировой уровень благодаря введению постструктуралистских (в широком смысле слова) методик и ценностных ориентиров. Применительно к наследию Тартуско-Московской школы это означало отказ от универсализма «больших парадигм» Структурализма и Семиотики и ревизию концептуального аппарата. Во введении к юбилейному № 50 «НЛО» (2001) И.Д.Прохорова утверждала, что динамика развития российской гуманитарной сферы в 1990-е гг., становление внутри нее принципов междисциплинарности и даже формирование нового мировоззрения обусловлены именно отказом от объединения в замкнутые школы со своими общеидеологическими конструктами. Однако той модернизации, которую ждала И.Д.Прохорова, к началу 2000-х гг. не произошло. В

результате в предисловии к тематическому номеру № 59 «Другие истории литературы» (2003) она вновь вернулась к мысли, что в филологии продолжает царить хаос, поэтому необходимы новые ценностные ориентиры и новый категориальный аппарат для более эффективного ее дальнейшего развития. По всей видимости, по мнению И.Д.Прохоровой, возможность широкомасштабных реформ в российских гуманитарных науках возможна только при условии наличия некоего единого концептуального фундамента, который можно создать лишь в рамках «большой парадигмы». Это привело к тому, что на рубеже 2010-х гг., в предисловии к тематическому номеру № 100 «Антропология закрытых обществ» (2009), И.Д.Прохорова показала, что готова воспринимать социологический поворот (она его называет «антропологическим поворотом») как зарождение новой «большой парадигмы» – и уже сейчас начинать совершенствовать ее категориальный аппарат. Насколько при этом для И.Д.Прохоровой будет актуально наследие Тартуско-Московской школы (и в первую очередь, Ю.М.Лотмана – благодаря его близости к теориям социологического поворота), судить в данный момент еще трудно.

С.Л.Козлов, как и И.Д.Прохорова, изначально к идее создания «большой парадигмы» относился критически. Выдвигается идея, что наследие Тартуско-Московской школы для него во многом оставалось актуально и важно, но при этом он стремился найти пути преодоления методологического монологизма российского структурализма и семиотики (проявлявшегося, помимо прочего, и в чрезмерно ригористичном сциентизме, и в разработках «больших парадигм», которые и привели, по мнению С.Л.Козлова, школу к кризису). В филологии (и в гуманитарной сфере в целом) для С.Л.Козлова важна неунитарность филологической традиции и неуниверсальность метода и категориального аппарата. Его деятельность на страницах «НЛЮ» изначально была культуртрегерской: ознакомление отечественной филологии с различными течениями западной теоретической мысли – в том числе и для того, чтобы российские читатели смогли выработать (по аналогии и по контрасту) более тонкие приемы критической рефлексии над собственной методологией.

Чтобы нагляднее представить нереализованные возможности теорий Тартуско-Московской школы российскому читателю и одновременно выйти из кризиса ее «большой парадигмы», С.Л.Козлов использует концепции западных теоретиков как своеобразную систему зеркал, работающих по принципу сходства или контраста и помогающих увидеть актуальные стороны наследия школы. Для этого уже в № 1 «НЛЮ» он публикует работу американского семиотика Майкла Риффатерра (как такого теоретика, которого, по мнению С.Л.Козлова, российскому читателю будет воспринять легче всего), а в № 2 – статью полемизирующего с М.Риффатерром американского деконструктивиста Поля де

Мана (как теоретика, наиболее провокативного для отечественной филологии). На тот момент С.Л.Козлов – еще не заведующий отделом теории, но человек, близкий к «НЛО».

Однако начинание С.Л.Козлова потерпело неудачу: методологические споры не зародились. Следовательно, чтобы российская филология могла бы органично усваивать западные идеи, нужно найти те явления в российской культуре, которые были бы наиболее схожи с прививаемыми зарубежными теориями и стилями. Одним из оптимальных вариантов предстала семиотика Ю.М.Лотмана, у которой действительно больше сходств с традицией западной теоретической мысли, чем у большинства других отечественных концепций. При этом оказалось, что прививать следует в первую очередь то, что необходимо для приобщения российской гуманитаристики к общемировому социологическому повороту.

Поскольку С.Л.Козлов к «большим парадигмам» относился скептически, то социологический поворот для него стал скорее поводом показать российской филологии необходимость междисциплинарности. Кроме того, есть основания полагать, что это был шанс реализовать свою собственную программу, которая может быть названа как формирование в российской гуманитарной сфере стратегии «интеллектуального письма», преодолевающего ограниченность и постмодерна, и «гиперсциентизма». Для этого С.Л.Козлов, став заведующим отделом теории в «НЛО», попытался совершить то, что ему несвойственно: создать «большую парадигму», которая скрестила бы в себе и стремление к социологическому повороту и междисциплинарности, и интеллектуальное письмо, и интерес к семиотике (в ее постструктуралистском варианте), и критическую рефлексию над категориальным аппаратом. По всей видимости, этот шаг был вызван тем, что успешно преодолеть одну «большую парадигму» может только другая «большая парадигма», замещающая ее. Если нельзя никак иначе выйти из кризиса в филологии, возникшего после распада Тартуско-Московской школы, то нужно противопоставить Структурализму и Семиотике что-то равновеликое.

По мнению С.Л.Козлова, большинству из вышеперечисленных требований удовлетворяет американский новый историзм. В № 42 «НЛО» (2000) С.Л.Козлов публикует подборку материалов по нему и в предисловии представляет новый историзм одновременно в двух ипостасях: и как научное течение, и как общий метаязык всей американской филологической теории. Можно говорить, что под видом метаязыка нового историзма С.Л.Козлов в этой статье пропагандирует предельно общий категориальный аппарат американской и европейской постструктуралистской (и отчасти структуралистской) гуманитарной науки второй половины XX в., а новый историзм как научное течение наделяется такими характеристиками, что предстает заместителем всего

социологического поворота в мировой гуманитарной сфере. Это сознательная стратегия выстраивания на материале обычного гуманитарного течения – новой универсальной «большой парадигмы», которая вобрала бы в себя все актуальные зарубежные теории, сплавив их со значимыми элементами Структурализма и Семиотики (понимаемых как единый феномен и отождествляемых по преимуществу с теорией Ю.М.Лотмана). С.Л.Козлов пытается здесь заложить фундамент нового гуманитарного мировоззрения.

Тем не менее российское гуманитарное сообщество оказалось не готово принять программу С.Л.Козлова. Российский филолог, психолог и культуртрегер А.М.Эткинд написал статью «Новый историзм, русская версия», опубликованную в № 47 «НЛО» (2001), основной пафос которой намерениям С.Л.Козлова резко противоречил. Для А.М.Эткинда новый историзм был лишь одной из западных концепций, которые нужно донести до российского гуманитария, поэтому начало его статьи демонстрировало явный отказ от каких бы то ни было «больших парадигм» в пользу интеллектуального письма. Оказалось, что интеллектуальное письмо плохо совместимо с теориями социологического поворота, при котором постструктурализм ищет строго-научные обоснования своей деятельности и в поисках категориального аппарата обращается, как некогда структурализм, к точным наукам – в данном случае социальным.

В статье «Наши "новые истористы"» в № 50 «НЛО» (2001), С.Л.Козлов еще раз попытался утвердить свою «большую парадигму» с помощью отнесения к новому историзму тех концепций, которые были продемонстрированы в работах А.Л.Зорина и О.А.Проскурина. Он понимал, что опорные точки, подобные тем, что выявлены в трудах трех авторов, можно найти не только в новом историзме, но в большинстве отечественных и зарубежных историко-литературных трудов второй половины XX в., если только их исследовательский масштаб достаточно широк. Тем не менее он сознательно шел на такое сопоставление: ему было необходимо развить альтернативную лотмановской и в то же время наследующую ей «большую парадигму», а будет ли она отождествляться с американским новым историзмом или с чем-либо иным, не столь важно. В итоге в ходе рассуждения С.Л.Козлова американский вариант нового историзма был фактически отброшен как более ненужный, а особенности российского нового историзма оказались сведены к интеллектуальному письму. Однако из-за несовместимости интеллектуального письма с «большими парадигмами» последовательно редуционистская деятельность С.Л.Козлова оказалась губительной для его проекта. Больше ни к новому историзму, ни к разработкам иных «больших парадигм» С.Л.Козлов не возвращался.

В результате можно сделать вывод, что тот концептуально-методологический комплекс, который принято называть наследием Тартуско-Московской школы, вновь

остался во многом неотрефлексированным, а его потенциал – актуализированным и использованным лишь отчасти.

В **заключении** резюмируются наиболее важные итоги исследования и намечаются некоторые перспективы продолжения работы. Утверждается следующий вывод: поскольку метод конструирует свой объект, нужно четко осознавать все особенности выбранной методологии ради более эффективного анализа литературного процесса и построения дисциплины «история литературы». Поэтому необходимы исследования таких феноменов, как российский структурализм и российская семиотика, которые дали, пожалуй, наиболее строгую и детализированную разработку своего категориального аппарата во всей российской гуманитарной науке XX века.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. К вопросу о научном методе Р.Д.Тименчика // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2009. № 5. С. 158–165.
2. Поэтика выразительности А.К.Жолковского и Ю.К.Щеглова в контексте раннего русского структурализма // Филологические науки. 2010. № 1. С. 22–30.
3. От «орла» к «фазану»: о методологической основе анализа идеологий А.Л.Зорина // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Третьей Международной научной конференции: Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова, 4–5 декабря 2008 г. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 66–70.
4. Торжество комментария: о принципах построения историколитературной работы у Р.Д.Тименчика (на основе его книги «Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века») // Материалы XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М.: МАКС Пресс, 2009. С. 554–555.
5. Из истории раннего русского структурализма. В точке поворота [о раннем Ю.М.Лотмане] // Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Пос. Поляны (Уусикиркко), Ленинградской области, 2010. С. 274–283.
6. К вопросу о научном методе О.А.Проскурина в соотнесении с семиотикой Ю.М.Лотмана // Материалы XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М.: МАКС Пресс, 2010. С. 530–533.